Юревич Андрей Владиславович
доктор психологических наук,
член-корреспондент РАН,
зам.директора Института психологии РАН.
Тел. 682-12-24,
yurevich@psychol.ras.ru

ОПТИМУМ ИНТЕГРАЦИИ

Степень «кумулятивности» научных дисциплин

Для обсуждения современного состояния российской науки весьма характерна постановка таких вопросов, как степень «присутствия или отсутствии России в мировой социогуманитарной науке» [1]. Его решение, естественно, напрямую зависит от того, что понимать под мировой наукой, а это понятие отнюдь не самоочевидно. В обиходном употреблении, а также в многочисленных предписаниях российской науке о том, каким путем ей надлежит развиваться, чтобы достигнуть интеграции в мировую науку, под последней понимается либо западная наука, либо некий мировой мейнстрим развития науки, стержень которого сформирован на Западе.

Вместе с тем, в науковедческой и особенно в историко-научной литературе, где большое внимание уделяется не-западной науке, прежде всего т. н. «традиционной восточной» науке – индийской, арабской, китайской и др., мировая наука трактуется более широко – как *вся совокупность* национальных наук, какими бы самобытными и непохожими на западную науку они ни были. В отсутствие такого расширительного понимания, при сведении мировой науки лишь к западной, многие историко-научные исследования вообще лишились бы смысла: зачем изучать древнюю индийскую, китайскую или арабскую науку, если они, не будучи западной наукой, не являются и наукой как таковой?

Сведение мировой науки к западной порождает парадоксы, относящиеся и к более современному периоду. Например, советские космические исследования не были интегрированы в западную науку и, более того, целенаправленно отделены от нее завесой строжайшей секретности, а отцы-основатели советской космонавтики, равно как и космонавтики вообще, не публиковали результаты своих исследований ни в западных, ни в каких-либо других научных журналах. Не трудно представить себе, какими были бы индексы цитирования И. В. Курчатова или С. П. Королева, если бы кому-нибудь пришло в голову их подсчитать. Можно ли на этом основании утверждать, что советская, закрытая и засекреченная, космонавтика не внесла никакого вклада в мировую науку, а запуск в космос первого в истории человечества летательного аппарата и полет первого космонавта были некими «внутренними событиями» отечественной науки? Подобное утверждение, непосредственно вытекающее из сведения мировой науки к западной, выглядит более чем абсурдным.

Другим примером нелепости такого сведения может служить уже упомянутая традиционная восточная наука, точнее, ее активная ассимиляция Западом. Долгое время для западных ученых единственно возможным видом науки была западная наука, а в конце XIX в. М. Вебер писал: «...только на Западе существует *наука* на той стадии развития, “значимость” которой мы признаем в настоящее время» [2, с. 44]. Однако в следующем веке западная наука признала восточную – причем именно в качестве науки, а не в качестве полезной, но ненаучной системы познания; и вообще в концу XX столетия сложилась подлинно интернациональная система познания, хотя и построенная в основном по западному образцу, но впитавшая в себя многие восточные элементы. Отмечается, в частности, что «постнеклассическая наука становится важнейшим фактором кросскультурного взаимодействия Запада и Востока» [3, с. 117]. И, заметим, современная психотерапевтическая практика основана не только на достижениях западной науки, но и на активном использовании таких понятий, как аура, чакры и т. п., порожденных традиционной восточной наукой.

Конечно, все это можно отнести к области эзотерики, лишь засоряющей рациональную науку. Но существеннее другое: та же западная наука признала, можно полагать, окончательно и бесповоротно, традиционную восточную науку именно наукой, а не до-наукой и не скоплением эзотерических заблуждений, ассимилировав такие отнюдь не эзотерические, а вполне материалистические ее порождения, как, например, гомеопатия, медитация и акупунктура. Причем важно, что это происходило не в виде интеграции традиционной восточной науки в западную, а обратным путем – через ассимиляцию Западом интеллектуальных достижений Востока.

Поучительно и то, что в условиях ассимиляции западной наукой порождений науки восточной и изменения последней под влиянием взаимодействия с наукой западной, восточная наука сохранила свою когнитивную и социальную специфику. Так, например, в японской психологической науке активно развиваются такие области, как Zen-психология и другие восточные психологические системы. А индийские ученые до сих пор совершают специфический национальный обряд – пурджу, состоящий в принесении жертвы исследовательскому оборудованию перед началом эксперимента [4]. Обряд, возможно, выглядит анекдотично с позиций западных, да и российских, представлений о науке, но он существенно повышает мотивацию индийских исследователей и их уверенность в успехе.

Подобные примеры, область которых можно значительно расширить, свидетельствуют о том, что понимание мировой науки как *совокупности национальных наук*, сложившееся в истории науки и науковедении, более адекватно, нежели ее сведение к западной науке или к некому центрированному на Западе мейнстриму, что характерно для дилетантских трактовок этого понятия. А если это так, если мировая наука – это совокупность национальных наук, то вопрос о включенности той или иной национальной науки в мировую лишается смысла, ибо все они как части целого включены в него по определению. Он

также лишен смысла, как, например, вопрос о том, является ли та или иная страна частью человечества: чтобы вообразить страну, не являющуюся его частью, пришлось бы признать ее принадлежность к некой внеземной цивилизации.

Все эти рассуждения, естественно, не означают призыва к изоляционизму в развитии национальных наук и нисколько не опровергают целесообразности их включения в мейнстрим, русло которого цементировано западной, прежде всего американской, наукой. Но они демонстрируют невозможность сведения этого вопроса к простым схемам.

В то же время различные научные дисциплины в разной степени нуждаются в такой включенности и, соответственно, в разной мере страдают от ее дефицита. В данной связи следует подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, на фоне общепризнанной благодаря работам Т. Куна, И. Лакатоса и др. «некумулятивности» развития любой науки, все же разным научным дисциплинам свойственна различная степень «кумулятивности». Она наиболее высока в естественных науках и значительно ниже в социогуманитарных. В менее «кумулятивных» дисциплинах, в которых последующее накапливаемое ими знание испытывает меньшую зависимость от предыдущего [1], где меньше удельный вес общеобязательного знания, которым должен обладать каждый их представитель, наблюдается и меньшая зависимость национальной науки от мировой. Соответственно, социогуманитарные дисциплины несут меньшие потери от относительной изоляции от этого мейнстрима (полную изоляцию национальной науки от мирового мейнстрима [2] можно представить себе разве что в абстракции, ибо в этом случае она представляла бы собой научное сообщество, ни один представитель которого не прочитал бы ни единого зарубежного научного источника, никогда не общался бы с зарубежными коллегами, не знал бы, например, закона сохранения энергии и т. п.), нежели такие, как генетика или кибернетика, обладая большим потенциалом успешного развития и в «собственном соку».

Во-вторых, как это ни парадоксально с позиций традиционных представлений о науке, подобная изоляция может не только препятствовать, но и способствовать ее успешному развитию. Причина состоит в том, что погружение в мировой мейнстрим неизбежно стирает специфические особенности национальной науки и делает ее более похожей на науку других стран, а относительная изоляция, напротив, способствует проявлению этих особенностей. Например, интерес Запада к психологиче-

[1] Здесь и далее этот термин используется в качестве заменителя термина «мировая наука» ввиду показанной выше неадекватности последнего.

[2] Общепризнано, что «в период с 1960-х по 1990-е гг. его работы оказали значительное влияние на западную психологию» [7, с. 327], которое в дальнейшем еще более возросло [8]. Например, по индексу цитирования его работ Выготский опередил многих классиков зарубежной психологии [Там же].

ской концепции Л. С. Выготского[3] был во многом обусловлен тем, что в ней сделан акцент на детерминации психических процессов, чего остро не хватало западной психологии [8 и др.]. Эта концепция, отличающаяся от западных психологических теорий, но именно этим и интересная для Запада, вобрала в себя специфический социальный контекст советского общества, дух противодействия западной науке, во многом порожденный идеологическим заказом, исторически обусловленную специфику российского менталитета и многое другое.

Разнообразие интеллектуальных пространств

С отмеченными обстоятельствами связан весьма парадоксальный образ российской/советской психологической науки, сформировавшийся на Западе. Стерев все частные нюансы этого образа и абстрагировавшись от специфических особенностей, характерных для его оценки различными странами и конкретными психологами, его можно обозначить как представление о том, что российская психология – это труды таких корифеев, как Л. С. Выготский и А. Р. Лурия, со времен которых в нашей психологической науке не сделано ничего значительного. Этот образ парадоксален на фоне социального контекста развития отечественной психологии, прежде всего исторического изменения возможностей ее взаимодействия с зарубежной наукой.

Достижения отечественной психологии, получившие наибольшую известность на Западе и ассоциирующиеся с именами таких ее представителей, как Лурия и Выготский, относятся к тому периоду ее развития, когда она существовала за «железным занавесом»: то есть когда отечественные психологи гораздо реже выезжали за рубеж, хуже знали иностранные языки, почти не публиковались в зарубежных научных журналах, испытывали большие трудности во взаимодействии с иностранными коллегами, не имели возможности пользоваться электронной почтой и интернетом. Ныне же они интегрированы в мировой мейнстрим Всемирной паутиной, регулярно ездят за рубеж, публикуются в иностранных научных журналах, состоят в различных международных научных организациях и постоянных контактах с зарубежными коллегами.

Естественно, уровень интеграции в мировой мейнстрим современной российской науки и, в частности, психологии не следует переоценивать. Сейчас отечественные НИИ имеют меньше средств на международное сотрудничество, нежели в советские годы, большая часть отечественных ученых по-прежнему плохо знает иностранные языки и т. д. Однако все же, если принять во внимание описанный выше за-

[3] Общепризнано, что «в период с 1960-х по 1990-е гг. его работы оказали значительное влияние на западную психологию» [7, с. 327], которое в дальнейшем еще более возросло [8]. Например, по индексу цитирования его работ Выготский опередил многих классиков зарубежной психологии [Там же].

рубежный образ российской психологии, налицо очевидный парадокс: скрытая за «железным занавесом» и развивавшаяся в относительной изоляции от мирового мейнстрима отечественная психология была лучше известна и выше ценилась на Западе, нежели нынешняя, широко «открывшаяся» ему. Что, в сочетании с двумя отмеченными выше обстоятельствами, демонстрирует парадоксальный – на фоне расхожих, упрощенных представлений о науке, – но согласующийся с более сложными науковедческими закономерностями факт: «умеренная» изоляция от мирового мейнстрима может идти на пользу национальной науке[4]. Из этого, конечно, не вытекает целесообразность искусственного поддержания подобной изоляции, а следует лишь то, что нивелирование специфических особенностей национальной науки может нанести ей ущерб. Соответственно, можно говорить об определенном *оптимуме интеграции* национальной науки в мировую, превышение которого чревато растворением первой во второй и не идет на пользу им обеим.

В данном контексте стоит вспомнить наиболее известных – и в нашей стране, и в мире – российских философов, таких как И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев и др. По общему признанию, разработанные ими концепции могли быть созданы только в России, впитав в себя уникальные особенности российского философского мышления, российского менталитета и соответствующей социокультурной среды. Отечественные психологические теории советского периода – теории Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева – тоже очень специфичны, имея очень выраженную социокультурную, в том числе и идеологическую, «подкладку». Весьма показательно и то, что, как отмечают многие ученые, живущие как в нашей стране, так и за рубежом, творческий потенциал российских социогуманитарев-эмигрантов быстро затухает, они «теряются» в западной науке, и даже те их них, кто блистал в России, крайне редко выходят там на первые роли[5]. Причины этого явления, конечно, самые разнообразные: и языковый фактор, и трудности адаптации эмигрантов, и не слишком позитивное отношение к ним в принимающих странах, и многое другое. Но трудно не заметить и еще одну причину – тесную «привязку» российской науки к российской социокультурной среде, трудности ее «переноса» в другие среды (что побуждает вспомнить легенду об Антее).

По всей видимости, для развития мировой науки оптимальным является не только теоретико-методологический плюрализм, узаконенный постмодернизмом, но и *плюрализм более глобальных интеллектуальных пространств.* А помещение в какое-либо одно интеллектуальное про-

---

[4] Здесь уместно упомянуть математика Г. Перельмана, сделавшего свое нашумевшее открытие в условиях добровольной самоизоляции не только от зарубежного, но и от отечественного научного сообщества, которая, как показывает этот пример, далеко не эквивалентна изоляции от самой науки.

[5] Вообще считается, что из примерно 30 тыс. российских ученых, эмигрировавших на Запад, не более 300 завоевали в западной науке лидирующие позиции [9].

странство, скажем, построение всей мировой социогуманитарной науки по образу и подобию американской [6], ее существенно обедняет.

В связи с этим следует подчеркнуть и полную несуразность расхожего тезиса о том, что, поскольку наука интернациональна и не признает государственных границ, т. н. «национальная наука» – это фикция. Данная позиция обычно обосновывается унифицированностью объектов научного исследования и производимого наукой знания. Действительно, скажем, закон всемирного тяготения одинаково действует и в Западной Европе, и в Америке, и в России, а некую «национальную физику», в которой этот закон преломлялся бы специфическим образом, трудно себе представить, хотя, возможно, на какой-либо другой планете и физическая наука была бы другой. Однако в социогуманитарных науках это далеко не так, и к тому же даже в условиях когнитивной унифицированности национальная наука всегда имеет *социальную* специфику, связанную с условиями, в которых она развивается, а институт науки по-разному организован в разных странах. К примеру, голландская наука отличается от германской, а применительно к психологической науке, австро-германская – от американской [7], что позволяет говорить о западной науке лишь как о некой абстракции. Так, в социальной психологии широко распространены альтернативные американским европейские программы ее развития, выдвинутые С. Московичи, Г. Тэшфелом и др. В частности, как отмечает Г. М. Андреева, «обязательный учет социального контекста в социально-психологическом исследовании является своеобразным “знаменем” европейской социальной психологии» [11, с. 20].

В разных западных странах очень по-разному видятся и статус психологии, и ее место в системе наук. Так, опрос, проведенный М. Розенцвейгом, продемонстрировал, что психология квалифицируется и как естественная наука, и как биологическая, и как медицинская, и как поведенческая, и как образовательная, и как гуманитарная наука, и как научная дисциплина совершенно особого типа, причем ее воспринимают по-разному не только в разных странах, но и в различных университетах одной и той же страны, и даже в рамках одного университета [12]. Подобные явления, наблюдающиеся внутри западной психологии, демонстрируют нелепость представления о ней как о единой, монолитной науке, противостоящей науке не-западной.

Из этого, в частности, вытекает сомнительность многочисленных программ преобразования российской науки по «западному образцу» (что это за «образец», когда и в западных странах наука организована по-разному?), включающих такие меры, как «перенос» академической

---

[6] Это выражается, в частности, в трактовке любой национальной науки, не похожей на американскую, как неполноценной, недоразвитой, *недо*науки и т. п., что весьма характерно для наиболее уничижительного способа восприятия современной российской психологии.

[7] По мнению А. Toомелы, например, 40 последних лет развития психологии «прошли впустую» из-за того, что она развивалась по американскому, а не по австро-германскому пути [10].

науки в вузы[8], весьма напоминающий проект переброски сибирских рек, оценку наших ученых по их цитат-индексу в западных журналах и т. п. Нет сомнений в целесообразности применения *некоторых* из подобных мер при их соответствующей модификации, например, индекса цитирования российских ученых в *российских* научных журналах (иначе все российские исследователи, не знающие иностранных языков, вообще окажутся «не-учеными»). Однако полное нивелирование национальных особенностей отечественной науки чревато уничтожением одного из главных источников ее жизненной силы и превращением в периферию или «сырьевой придаток» науки западной, поставляющий ей первичные данные. Вызывает удивление и то, что, хотя подобные программы переустройства российского общества «по западному образцу», реализовавшиеся в начале 1990-х, впоследствии были отвергнуты, они все еще предлагаются в отношении отечественной науки, что напоминает плавание против сильного течения.

Национальное и интернациональное

Разумеется, специфику отечественной социогуманитарной науки не следует видеть только в позитивном свете, да и вообще эта специфика редко сводима лишь к какому-либо одному – позитивному или негативному – оценочному знаменателю. Так, Е. В. Левченко отмечает, что «зарубежные концепции обозначены лаконично, ярко, образно, а отечественные – описаны многословно, громоздко, так, что содержание их основных идей приходится еще дополнительно извлекать из имеющихся текстов» [13, с. 129]. Х. Балзер показывает, что советская и российская социогуманитарная наука отличаются склонностью к теоретическим разработкам («сфера доски и мела»), затрудненностью коммуникации и закрытостью («слабая диффузия результатов»), иерархичностью и тенденцией к воспроизведению тематики, разрабатывавшейся патриархами («менторизм») [14]. А Е. А. Климов подчеркивает, что, в отличие от зарубежных социогуманитариев, «у авторов в российской традиции не принято было рекламировать себя, придавать “товарный вид” и звучные названия интеллектуальному продукту … вешать яркие компактные вывески на свои научные достижения, в частности, оригинальные идеи, концепции» [15, с. 138–139], т. е. российским ученым свойственен менее «рыночный» тип использования производимого ими знания, хотя в последние годы в этом плане наблюдаются заметные изменения [16 и др.].

Естественно, сказались и советские корни российской социогуманитарной науки. Как отмечает В. Б. Хозиев, «от психологии во времена “побеждающего” социализма как раз требовалось эмпирическое подтверждение социальной (а в ортодоксальном марксизме – социально-

---

[8] Подобные идеи, помимо всего прочего, основаны на явно искаженном образе западной науки, немногим более 20 % которой в действительности сосредоточено в вузах.

экономической) детерминации конкретного человеческого поведения, для чего в идеологически удобную иерархию детерминант выстраивались поочередно общество, ближний социум и семья» [17, с. 192]. А В. А. Кольцова пишет о том, что «генетически в советскую психологическую науку были заложены определенные противоречия, обусловленные ее развитием в рамках единой философской парадигмы, жестких административно-командных форм руководства и идеологического контроля (отрыв от мировой психологии, отказ от разработки “идеологически неприемлемых” проблем и т. д.)» [18, с. 12]. Любопытно, однако, что идеологические корни советских психологических теорий, вопреки расхожему тезису об однозначно негативном влиянии государственной идеологии на науку, далеко не всегда порождали пустоцветы. Так, скажем, в очень популярной на Западе концепции интериоризации высших психических функций Л. Н. Выготского отчетливо проступает представление о примате общества над личностью, характерное для советской идеологии (и вряд ли это можно считать простым совпадением). Эта укорененная в советской идеологии идея оказалась тем, чего остро недоставало западной психологии и что, в результате, послужило одной из главных причин ее интереса к теории Выготского [8].

Следует подчеркнуть, что социокультурная «привязка» психологической науки отчетливо выражена не только у *российской* психологии. Так, например, в США наименьшую долю – 9 % – ученых-иммигрантов со степенью доктора наук составляют именно психологи [19], которые, очевидно, многое теряют при перемещении в инородную социокультурную среду. Вместе с тем, различные национальные науки заметно различаются в плане прочности своей социокультурной «привязки» и, соответственно, возможности конвертации в другие социокультурные среды. При всем уважении ко всем народам и их национальной науке, все же следует признать, что наука в малых странах, а также в странах не малых, но имеющих малоразвитую науку, обладает более слабой социокультурной «привязкой», нежели там, где национальная наука высоко развита, причем именно в качестве национальной. Существует и «сателлитный» тип науки, обладающий минимальными национальными особенностями и строящийся по образцу науки других странах, как правило, тех, от которых данная страна находится в политической и социокультурной зависимости. Так, например, наука в прибалтийских республиках бывшего СССР строилась по советскому/российскому образцу, а после распада соответствующих социокультурных и политических связей быстро переориентировалась на Запад. Переориентация прошла быстро и безболезненно ввиду минимальной выраженности у науки этих стран своих собственных социокультурных особенностей и ее исторической «подстроенности» под более развитую науку. Сейчас наука в подобных странах практически не имеет национальных особенностей, а ее представители ведут подлинно интернациональный образ жизни, чаще находясь за рубежом, чем в своих собственных государствах. Наука же больших стран, таких как Россия, Индия, Китай, имеет собственные традиции и достижения, обусловленные ее богатой исто-

рией и социокультурными особенностями, и чем богаче эти традиции и достижения, тем сложнее ее включение в мировой мейнстрим, означающее частичное стирание ее национальных особенностей.

Тенденция к «озападниванию» российской социогуманитарной науки в наших российских условиях тоже подчас дает негативные результаты. Подмечено, в частности, что современные отечественные социогуманитарии разрабатывают все меньше теорий, все реже выдвигают методологические и методические инновации, предпочитая заимствовать все это «в готовом виде» у западной науки – дабы «не изобретать велосипед». В результате отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в посреднический механизм внедрения знания, произведенного на Западе, в нашу социальную практику. Может ли такая посредническая, «вторичная» наука быть интересной самому Западу? Ответ очевиден и во многом объясняет описанный выше образ российской психологии, сложившийся в западной науке.

В связи с вопросом, как его сформулировали бы в прежние времена, о соотношении интернационального и национального в науке, следует упомянуть и о том, что любая наука не гомогенна, в ней существуют различные направления, в большей или в меньшей степени зависимые от мирового мейнстрима, и различные психологические типы исследователей, в разной степени восприимчивые к его влиянию. Так, У. Корнхаузер выделил два типа ученых – «местников» и «космополитов», охарактеризовав первых как сильно привязанных к их национальной науке и к тем организациям, в которых они работают, а вторых – как осуществляющих свою профессиональную деятельность в основном за пределами этих организаций [20]. Естественно, «космополиты» в целом в большей степени интегрированы в мировой мейнстрим, чем «местники», а требовать этого от последних означало бы ломать их психологический склад и образ жизни. В современной российской науке «космополиты» либо уже эмигрировали в другие страны, либо представлены такой категорией, как «перелетные птицы» [21], сопоставимую часть времени проводящие в России и за рубежом. Эти две разновидности «космополитов» интегрированы в мировой мейнстрим, однако без «местников», интегрированных в него намного меньше, наши научно-исследовательские институты совсем опустели бы.

Следует отметить и то, что интеграция в мировой мейнстрим для ученого, сформировавшегося за его пределами, как правило, предполагает, пиар-деятельность, требующую целого ряда личностных качеств, которые свойственны далеко не всем российским исследователям. «Автоматическое» признание российского ученого за рубежом лишь за его научные заслуги – это если и не миф, то, как минимум, очень редкое явление, по крайней мере, в социогуманитарных науках (поэтому, в частности, известность российского ученого за рубежом нельзя трактовать как обусловленную лишь его научными заслугами, что часто делается). Такое признание требует и владения хотя бы одним иностранным языком, и терпимости к снисходительным улыбкам окружающих, если говоришь на нем неважно, и высокой коммуникабельности, и способности прово-

дить много времени вдали от родных пенатов, и терпения при бомбардировании зарубежных научных фондов своими заявками (а также умения это делать), и способности «пиарить» свои заслуги (особо существенной в тех случаях, когда они очень скромны), и многого другого. Далеко не все наши ученые, особенно представители старшего поколения, обладают этим букетом качеств, да и у молодых, более активных, например, знание иностранных языков оставляет желать лучшего. В результате степень интегрированности отечественных исследователей в мировой мейнстрим и их известность за рубежом выражает не только и не столько их научные заслуги, сколько активность в этой интеграции, мотивацию к ней и наличие соответствующих качеств. Симптоматично, что, например, среди институтов РАН по индексу цитирования за рубежом с большим отрывом лидируют Институт мировой экономики и международных отношений, а также Институт США и Канады, которые в силу предмета своей деятельности ориентированы на зарубежные контакты и не имеют своем штате научных сотрудников, которые не знали бы иностранные языки.

В данной связи стоит подчеркнуть и еще одно парадоксальное, но лишь на первый взгляд, обстоятельство. Руководство отечественной науки, вплоть до первых лиц в государстве, очень озабочено ее т. н. «вкладом в мировую науку», характеризуемым такими показателями, как индекс цитирования российских ученых за рубежом, количество их публикаций в зарубежных научных изданиях и т. п.[9] В то же время этот вклад имеет в основном символическое значение, а *реальное влияние на развитие страны и ее экономики оказывает не то, что страна вкладывает, а то, что она берет у мировой науки* и употребляет себе во благо. Перефразируя известную фразу из притчи о Ходже Насреддине, можно сказать, что наиболее прагматичная схема взаимодействия национальной науки с мировой должна строиться в соответствии с принципом: «не на, а дай».

Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принесшая антизападнические настроения, породила новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, – напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке; неважное знание на Западе достижений современных российских ученых характеризует с плохой стороны не нашу науку, а западную; не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать российские научные журналы, и т. п. Словом, извечный и очень болезненный для русской культуры вопрос о том, кто – Магомед, а кто – гора, и, соответственно, в каком направлении должно строиться их взаимодействие,

[9] Стоит подчеркнуть и то, что источники соответствующих данных подчас дают заведомо абсурдную информацию, например, о том, что все наши философы вместе взятые публикуют в зарубежных научных журналах в среднем 3–4, а социологи – 2–3 статьи в год [1].

сейчас предлагают решать не только западноцентристским, но и русоцентристским образом, в чем трудно не усмотреть проекции патриотических настроений последних лет на представления о путях развития российской науки. Прямолинейный западноцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться в западную путем стирания своих национальных особенностей, дополнился столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму.

Очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника, и, соответственно, необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим, т. е. целесообразность соблюдения сформулированного выше принципа *оптимума интеграции*. Прямолинейная же перестройка российской социогуманитарной науки «на западный манер» может превратить ее в периферию западной науки, сделав еще менее интересной для последней и, таким образом, лишь усилить дезинтеграцию. Национальное и интернациональное в любой национальной науке должны находиться в гармонии, ни в коем случае не подавляя друг друга.

Литература

1. Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Отв. ред. Е. Аксер и М. Савельева. М.: ИД Гу-ВШЭ, 2010.
2. *Вебер М.* Предварительные замечания [1920] // Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 44–60.
3. Теория и практика экономики и социологии знания / Общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Наука, 2007.
4. *Молодцова Е. Н.* Традиционные знания и современная наука о человеке. М.: Прогресс, 1996.
5. *Price D. de S.* Little science, big science. New York: AP, 1963.
6. *Hargens L.* Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship // American sociological review. 2000. Vol. 65. P. 148–163.
7. *Смит Р.* История психологии. М.: Академия, 2008.
8. *Karpov Y. V.* The Neo-Vygotskian approach to child development. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. *Егерев С. В.* Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 273–285.
10. *Toomela A.* 60 Years in Psychology Has Gone Astray // Integrative Psychology & Behavioral Science. Vol. 41. № 1. March 2007. P. 75–82.
11. *Андреева Г. М.* О «социологизации» социальной психологии // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 12–30.
12. *Rosenzweig M. R.* What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects / M. R. Rosenzweig (Ed.). Washington, DC: American Psychological Association, 1992.

13. *Левченко Е. В.* Отображение психоанализа в отечественных учебниках // Теория и методология психологи. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 128–137.
14. *Balzer H. D.* Soviet science on the edge of reform. Boulder: Westview Press, 1989.
15. *Климов Е. А.* Общая психология. Общеобразовательный курс: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
16. *Семенов В. Е.* Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.
17. *Хозиев В. Б.* К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 190–206.
18. *Кольцова В. А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. № 2. С. 5–18.
19. *Coates J.* The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21-st century technologies: promises and perils of dynamic future. Paris: OECD, 1998. P. 33–46.
20. *Kornhauser W.* Scientists in industry conflict and accommodation. Berkeley: University of California Press, 1962.
21. *Юревич А. В., Цапенко И. П.* Нужны ли России ученые? М.: УРСС, 2001.